

Отбросив все сомнения, Му Ванвань осторожно забралась на мягкий матрас, аккуратно приподняла свисавший с кровати край одеяла и медленно скользнула под него.

Она погасила все лампы, кроме одной – было около двух или трех часов ночи, снаружи царила кромешная тьма, а комнату освещал лишь тусклый свет лампы.

Му Ванвань улеглась на кровать. Накрыв мягким одеялом измученные ноги, которые долгое время находились в полусогнутом состоянии, девушка глубоко вздохнула. Слегка прохладное одеяло нагревалось от исходящего от тела жара, равно как и ее щеки, которые постепенно окрашивались румянцем.

Как бы Му Ванвань ни старалась игнорировать тихо спящего рядом дракона, она отчетливо слышала его слабое дыхание и, не удержавшись, повернула голову, чтобы украдкой взглянуть на него.

Господин Лун абсолютно неподвижно лежал под алым одеялом. Со своей половины кровати ей удавалось разглядеть только очертания его профиля и длинные, густые, изогнутые ресницы, которым можно было только позавидовать.

Му Ванвань беззвучно протянула руку и дотронулась до ресниц мужчины, после чего так же тихо отвернулась от него.

Вероятно, ей никогда не доведется стать обладательницей таких же длинных и изогнутых ресниц. Во всяком случае, не в этой жизни...

Сначала Му Ванвань думала, что ей не удастся заснуть, ведь она впервые в жизни делила кровать с мужчиной. Но, вопреки собственным ожиданиям, она провалилась в темное царство сна, и все ее дикие глупые мысли, не успев как следует разыграться, оказались повержены усталостью.

Обессиленная девушка, будучи не в состоянии пошевелить даже пальцем, уснула крепким сном.

В комнате мгновенно воцарилась тишина. Неожиданно из низшего камня духа, который Му Ванвань оставила рядом с ухом господина Луна, заструился слабый туман, который через несколько секунд растворился в теле тирана, словно водяной пар.

Но в низшем камне духа было недостаточно духовной силы, а процесс ее передачи был ужасно коротким, поэтому полупрозрачный камень тотчас же осыпался мелким песком.

И вновь в комнате на долгое время повисла зловещая тишина.

Перед самым рассветом господин Лун пошевелил пальцами.

Под его телом лежал мягкий матрас, а зудящий хвост, отдававшийся болью, был обработан. Тиран чувствовал, что на него нанесли слой низкосортной мази. Липкое ощущение на лице тоже исчезло: вероятно, кто-то вытер его.

Где-то в глубине сердца тирана промелькнул намек на нежность. Благодаря небольшому количеству духовной энергии, проникнувшему в его истощенное тело, у него появился шанс восстановить маленький кусочек своего внутреннего ядра и частично снять с себя проклятие, облегчив боль.

Получается, что...

Она и правда не презирала его?

У господина Луна никак не получалось облечь свои чувства в слова.

Его хвост выглядел жалко и омерзительно, но это не оттолкнуло девушку.

В его сердце что-то затрепетало, и он высвободил частицу своего божественного сознания, медленно сканируя пространство вокруг.

В прошлый раз он слишком узко мыслил и, возможно, поторопился с суждениями о ней.

Когда божественное сознание коснулось ярко-красного одеяла, расшитого утками-мандаринками, господин Лун мысленно отдернулся, словно его внезапно ошпарили. Сердце тирана долгое время бешено колотилось...

«Как, как она могла...»

Получается, мягкое одеяло, в которое он был укутан, было не простым, а свадебным?

Неужели она приняла его и теперь хочет быть... с ним?

Его уши запылали, и впервые боль в меридианах не шла ни в какое сравнение с неугомонным биением его сердца. Господин Лун вновь неуверенно высвободил часть божественного сознания, медленно отгораживая его от алого свадебного одеяла, из-за которого он испытывал невероятное смущение.

Он по-прежнему находился в привычной для себя комнате, на нефритовой кровати, в которой часто спал. Но теперь на ней появились два комплекта свадебных постельных принадлежностей. Неподалеку от него, завернувшись во второе одеяло, лежала абсолютно беззащитная и крепко уснувшая девушка.

Медленно струившаяся в его венах кровь побежала быстрее. Если бы Му Ванвань не спала, а черные и красные метки проклятия не были бы столь заметны, то она бы увидела, как открывшиеся взору лицо, шея и уши тирана приобрели розоватый оттенок, который вот-вот побагровеет.

Девушка спокойно спала рядом с ним – безродным драконом, которого все вокруг считали омерзительным инвалидом. Она осмелилась лечь рядом с великим тираном, считавшимся бессердечным, жестоким и кровожадным убийцей.

Господин Лун неспешно, из последних сил, передвинул божественное сознание, частичка которого, будучи легче воздуха, скользнула по шее Му Ванвань и переместилась на щеки девушки, поднимаясь к ее носу, ресницам, лбу...

Му Ванвань не была особенно хороша собой.

«Будучи тираном, я повидал бесчисленное множество красавиц, заискивавших передо мной в мои лучшие годы, однако я так и остался драконом-холостяком», – размышлял господин Лун, уши которого густо покраснели.

Ее нельзя было назвать очень красивой...

Но божественное сознание господина Луна – единственное, чем он мог управлять – по какой-то неведомой причине словно вышло из-под контроля. Оно медленно скользнуло по щекам мирно спавшей Му Ванвань и наконец задержалось на ее пересохших губах. Дрожа, оно, словно перышко, прикоснулось к ее губам, а затем...

Внезапно исчезло, будто ничего и не произошло.

Щеки господина Луна стали такими горячими, что от жара у него закружилась голова. Подавляя медленно нарастающую в теле боль, он, зардевшись, смутно размышлял:

«Так вот на что похож поцелуй с женой?»

Это и впрямь было что-то необыкновенное.